

Научная статья

УДК 39(392)+930

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-324-340

EDN: LNQHRI

АДЫГСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Е.Н. СТУДЕНЕЦКОЙ В КАБАРДИНСКУЮ АССР (1947 г.)

Рица Шотовна Зельницкая¹, Заурбек Анзорович Кожев²

¹ Российский Этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия, ri-za81@yandex.ru

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

Аннотация. Публикация продолжает введение в научный оборот отчета о полевой этнографической работе в Кабарде Е.Н. Студенецкой. При рассмотрении приводимого фрагмента отчета преимущественное внимание было уделено вопросу социальной структуры кабардинского общества, являвшемся одной из основных его тем. В своем отчете автор детально описывает социальные роли представителей всех сословий, дает сведения о правах и обязанностях привилегированного и зависимого сословий. Отдельное внимание уделено формам попадания в плен и дальнейшей судьбы пленных, поскольку из них также формировалось одно из зависимых сословий. Полевой материал представляет собой устные истории, которые в середине XX века продолжали сохраняться в памяти старожиллов. Важным обстоятельством, повлиявшим на характер и структуру собранного материала, стало, то, что информанты Е.Н. Студенецкой принадлежали к потомкам зависимых групп местного населения.

Важнейшее внимание публикаторы отчета уделяют вопросу употребляемой в нем нативной социальной терминологии, поскольку фиксация материала осложнялась периодическим отсутствием переводчика, незнанием языка исследователем, а также условиями перевода собранного материала в печатную форму, который производился посредством машинистки, также не владеющей кабардинским языком. Необходимость уточнения деталей, связанных с социальной терминологией связана с тем, что до сих пор не существует полной ясности в вопросе внутренней социальной стратификации традиционного кабардинского общества.

Ключевые слова: Е.Н.Студенецкая, кабардинцы, князья, дворяне, социальная структура, нативная терминология, пленные, фамилия, права, обязанности

Для цитирования: Зельницкая Р.Ш., Кожев З.А. Адыгская социальная терминология по материалам этнографической экспедиции Е.Н. Студенецкой в Кабардинскую АССР (1947 г.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 324-340. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-324-340. – EDN: LNQHRI.

© Зельницкая Р.Ш., Кожев З.А., 2022

Original article

ADYGHE SOCIAL TERMINOLOGY BASED ON THE MATERIALS OF THE ETHNOGRAPHIC EXPEDITION OF E.N. STUDENETSKAYA TO THE KABARDIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC (1947)**Ritsa Sh. Zelnitskaya¹, Zaurbek A. Kozhev²**¹ Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia, *riza81@yandex.ru*² Institute for Humanitarian Studies – Branch of the Kabardin-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, *zaurbek_k@mail.ru*, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

Abstract. The publication continues the introduction into scientific circulation of the report on the field ethnographic work in Kabarda by E.N. Studenetskaya. When considering the report fragment, primary attention was paid to the social structure of Kabardian society issue, which was one of its key topics. In his report, the author describes thoroughly the social roles of representatives of all classes, gives information about the rights and duties of the privileged and dependent estates. Significant attention is paid to the forms of capture and the fate of the prisoners, since one of the dependent estates was also formed from them. The field material is oral histories, which in the middle of the XX century continued to be preserved in the memory of old-timers. An important circumstance that influenced the nature and structure of the collected material was that the informants of E.N. Studenetskaya belonged to the descendants of dependent groups of the local population.

The report's publishers pay the most important attention to native social terminology used in it, since the fixation of the material was complicated by the periodic absence of an interpreter, ignorance of the language by the researcher, as well as the conditions for translating the collected material into printed form, which was carried out by a typist who also does not speak Kabardian. The need to clarify the details related to social terminology is because there is still no complete clarity on the internal social stratification of traditional Kabardian society.

Keywords. E.N. Studenetskaya, kabardians, princes, nobles, social structure, native terminology, prisoners, surname, rights, duties

For citation: Zelnitskaya R.Sh., Kozhev Z.A. Adyghe social terminology based on the materials of the ethnographic expedition of E.N. Studenetskaya to the Kabardian Autonomous Soviet Socialist Republic (1947). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 324-340. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-324-340. – EDN: LNQHRI.

© Zelnitskaya R.Sh., Kozhev Z.A., 2022

Введение

В послевоенные годы в Государственном музее этнографии народов СССР началась подготовка выставки «Кабардинцы, осетины». Для пополнения музейного вещевого фонда в 1947 г. Государственный музей этнографии народов СССР совместно с Кабардинским научно-исследовательским институтом организовали этнографическую экспедицию в Кабардинскую АССР.

По материалам архива отчетов и дневников Е.Н. Студенецкой, работа проводилась в четырех районах КАССР:

- а) Лескенский район – сел. Ст. Лескен, Ст. Урух, Аргудан – 17 дней.
- б) Советский район – сел. Советское, Жемтала – 6 дней.

в) Урожайненский район – с. Арик – 4 дня.

г) Урванский район – сел. Ст. Черек – 5 дней [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973. Л. 2-3].

Являясь руководителем экспедиции, Евгения Николаевна Студенецкая эти районы выбрала из-за их территориального расположения. Будучи специалистом по Северо-Западному Кавказу, исследователь знала, что эти районы были плохо изучены ее предшественниками, кроме того, «они примыкают к территории Осетии, богатой археологическими материалами и уже значительно изученными специалистами. Для этнографа эти районы, как пограничные, имеют также большой интерес, поскольку они дают материалы для установления элементов общности и различия между соседящими народами» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973. Л. 2].

Экспедиционный отчет, составленный Е.Н. Студенецкой довольно подробный, его объем составляет 26 машинописных листов. И на последней странице заверен подписью автора. Несмотря на относительно небольшой объем, представленный текст весьма информативен. Первая его часть посвящена таким общественным институтам, как гостеприимство, атальчество, обрядам семейного цикла, но содержат также важные детали, иллюстрирующие межсословные отношения. Поэтому мы посчитали целесообразным включить в статью весь текст отчета Е.Н. Студенецкой, хотя основной исследовательский акцент в нашей работе сделан на репрезентации черкесской терминологии, касающейся сословной стратификации традиционного кабардинского общества. Изучение общественного строя Кабарды, сословной иерархии, взаимных прав и обязанностей привилегированных и зависимых сословий в российском кавказоведении тема давняя, но далеко не исчерпанная. Еще в XIX в. имперская администрация начала сбор материалов для определения сложных межсословных отношений среди автохтонного населения Северного Кавказа. После создания в 1864 г. Временной комиссии для разбора личных и поземельных прав туземного населения Терской области (с 1869 г. Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубани и Терской области) эта работа приобрела систематический характер [Материалы... 1986; Леонтович 1882; Сборник документов... 2003а; Сборник документов... 2003b]. Первые черкесские историографы в своих работах также уделяли большое внимание адекватному отражению особенностей сословной структуры традиционного адыгского общества [Ногмов 1994: 125-126, 152-169; Хан-Гирей 1978: 118-139; Кудашев 1991: 98-130]. До революции 1917 г. и эпохи советской модернизации сословный вопрос в Кабарде так и не был решен, и черкесская аристократия не была признана на официальном уровне частью дворянского сословия Российской империи. В XX в. изучение сословного строя, типологизации традиционного адыгского общества приобрели значение важной академической проблемы и ее разрешению посвящен целый ряд монографий и коллективных обобщающих работ [Гарданов 1967; История Кабардино-Балкарской... 1967: 204-206; Думанов 1990; Кажаров 1994; Адыгская (черкесская)... 2006: 130-167 и др.]. Тем не менее, проблема до сих пор является дискуссионной и содержит ряд спорных вопросов, обусловленных отчасти объективными причинами. Как справедливо заметила Е.Н. Студенецкая в своем отчете, «...сложность кабардинской феодальной иерархии и трудность

языка, приводило к путанице и неточностям в терминологии, что еще больше затрудняло общую картину ... для выяснения социальных отношений Кабарды последних столетий, а также для обрисовки полной картины необходимо обратиться и к источникам этнографическим и фольклорным». Отчет Е.Н. Студенецкой и представляет собой такой источник высокого качества. Его введение в научный оборот и краткий анализ содержательной части являются задачей представленной работы.

Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением особенностей написания этнических названий оригинала. Кабардинские термины в тексте оставлены в оригинале, даже в тех случаях, когда написаны с ошибками. Этнографические адыгские термины, зафиксированные Е.Н. Студенецкой в ходе экспедиции выделены курсивом, в скобках даны аутентичные формы согласно современным нормам кабардино-черкесского языка.

Отчет о командировке научного сотрудника Е.Н. Студенецкой в Кабардинскую АССР по собиранию этнографического материала в 1947 г.

Кроме основных тем экспедиции, касавшихся материальной культуры, велась работа и по ряду вопросов, касающихся социальных отношений. Некоторые из них, как например, вопрос о гостеприимстве – куначестве увязываются и с темами материальной культуры, в частности с жилищем. Известно, насколько характерно для горцев Кавказа и, прежде всего, кабардинцев, наличие отдельного помещения для приема гостей – *хажешь* (*хъэщӀэщ, т.е. «гостевой дом».* – Авт.).

Хажешь был в каждом зажиточном доме, а для дворянского и княжеского именно он являлся необходимостью. Известно, что когда были две *хажешь* – для близких родственников и для других гостей. Обстановка *хажешь* была очень простой. Он представлял собой отдельный домик, в котором находился очаг, служивший для обогрева комнаты. Еду в *хажешь* не приготавливали, а приносили готовой из *унешха* (*унэшхуэ, досл. «большой дом».* – Авт.) или кухни. Огонь в очаге поддерживали младшие мужчины семьи, обслуживавшие гостя, но гость и сам мог подкладывать дрова, если тот вышел¹. Не допускалось чтобы огонь погас. Это считалось похвальным. В *хажешье* была не постеленная кровать. Постель приносили девушки и стелили для гостя, а утром опять уносили. Кроме того, в *хажешье* находились скамейки, а иногда диван *тахтабан*. Обязательно для *хажешья* наличие *намазлыка* (*нэмэзлыкъ, т.е. «молитвенный коврик».* – Авт.) и таза с *кумганом* (*къубгъан, т.е. металлический кувшин.* – Авт.) для омовений. В стенах вбивались колышки для развешивания одежды, седел и т.п. Описание *хажешья*, данное стариками, совпадает с зарисовкой, сделанной в начале XIX века.

<Л 18>

Прием гостя – это целый церемониал, все этапы которого строго предписаны обычаем. Гость заезжал в ворота на коне. Если хозяин дома, то он выхо-

¹ Авт.: Здесь имеется в виду хозяин дома, который по необходимости вышел из гостевого домика.

дил на встречу, брал коня за уздечку и гриву и помогал гостю слезть. Если хозяина и других мужчин семьи не было дома, навстречу выходила хозяйка и сама держала коня, затем, гость шел в *хаджашь*, а хозяин провожал его сзади. С гостя снимают башлык и бурку и несут их за гостем в *хаджашь*, где вешают на колышки в стене. Войти в бурке и башлыке – неприлично. Оружие, кроме кинжала, снималось одновременно с буркой. Забота о коне и уход за оружием лежал на членах семьи хозяина. Когда гость уезжал, хозяин выводил коня, выносил оружие и бурку и сам надевал на гостя. Уход за конем и оружием лежал на молодежи семьи хозяина, а если таковой не было, то на самом хозяине. Исключением являлись случаи, когда гость был молодой, а хозяин старик, то тогда гость ухаживал за конем сам, но хозяин все же выходил встречать гостя. В случае его болезни или крайней старости, встречала девушка и вводила гостя в *хажешь* к старику. Гость имел в *хажешье* определенное место, в зависимости от его возраста, в сравнении с возрастом хозяина. Если гость и хозяин – старики, то хозяин сидел на своем обычном месте, а гость на тахтабане или скамье против очага. Хозяин же на почетном месте – тахте. Другой информант Жилов К. 80 лет из сел. Жемтала дал подробный материал относительно поведения гостя и правил ведения угощения и пира... По обычаю хозяин, в случае приезда гостя, звал кого-либо из своих друзей – соседей, подходящих по возрасту к гостю, и сажал его рядом. На почетном месте усаживали старшего из гостей и приглашенного приятеля, а затем, всех остальных по возрасту. Самые младшие гости сидят отдельно. Хозяин, если он молодой. То не сядет, но будет находиться в комнате, если же хозяин очень стар, то находится в отдельном помещении. Если же он равен гостю по возрасту, то сядет вместе с гостями выше или ниже своего приятеля, смотря по возрасту.

Самого старшего из гостей называли *тхъэмадэ* (*тхъэмадэ, т.е. старейшина. – Авт.*). Даже князь сидел ниже его; соседа-приятеля называли *хэгъырей* (*хэгъэрей, т.е. близкий, знакомый семье. – Авт.*). Молодежь, которая ухаживает за гостями, называется *цхъэгъырым* (*цхъэгъэрым, т.е. прислуживающий во время застолья, виночерпий. – Авт.*)

Приготовляли пищу *унаутки* (*унэIут, т.е. раб, досл. «стоящий у дома». – Авт.*), а подавали или мужчины – *унауты* или молодые мужчины из семьи хозяина. Мужчины лет до 30 уже не могли сидеть и кушать с гостями. Они стояли, пели песни, ели стоя, что им подадут гости. Когда же старшие наедятся и уходят, они говорили молодежи – теперь стол ваш, ешьте и пейте. Парни стоят в помещении на непочетном месте у двери *жефехег* (*жыхэфэгу, т.е. часть пола в помещении ближе к двери. – Авт.*). Столь же строгими правилами руководствовались в порядке подачи пищи, разделе мяса и всем поведением хозяев и гостя вплоть до его отъезда.

Не имея возможности и необходимости в отчете излагать весь материал, считаю необходимым подчеркнуть, что столь точная разработка его показывает как на давность обычая, так и на особое значение, которое придавали его соблюдению. Всякое нарушение обычая приводило к обиде, часто выливалось в ссоры и разрыв отношений. Если представить себе, насколько важно было избежать этого в то время, когда всякое недоразумение могло привести к дли-

тельной кровной вражде, а также способствовало обострению межфамильных и племенных распрей, то естественно, что правила обращения с гостем прививались с детства, как нерушимый закон и одна из важнейших составных частей *адыге хабзе* (*адыгэ хабзэ, т.е. адыгское обычное право, в том числе этические нормы. – Авт.*).

<Л 19>

В кавказоведческой литературе имеется детальнейшее описание обычаев приема гостя у осетин опубликованное Е.Г. Пчелиной и сбор столь детального материала по Кабарде, возможно, дал бы интересные результаты. Поскольку гостеприимство касалось и чужестранцев, а связи между соседними народами были очень сильны то, как можно предполагать и ритуал приема гостя мог иметь так, сказать «международный» характер.

Одним из обычаев, закреплявших связи между народами и сословиями, являлось аталычество в его поздних формах. Вопросы аталычества затрагивались во многих русских и иностранных работах, причем, имеются концепции, объясняющие и самый институт.

Значительно слабее освящен вопрос с бытовой точки зрения, между тем, при конкретных записях выявляется, что в XIX в. в условиях резкого классового и сословного расслоения, это последнее отразилось на правах на жизнь воспитанника – *канна* (*къан, т.е. воспитанник. – Авт.*), и его молочных братьев.

Так, например, люлька *канна* должна была стоять на тохтабани, посланной циновкой, в то время как люльку своего ребенка аталычка держала на полу. Люльку *канна* нельзя качать ногой, кормили, в первую очередь кона. Своего ребенка можно было посадить на пол, оставить одного, *канна* надо было держать или в люльке, или на руках и не оставлять одного. Все это ясно показывает, насколько почетная обязанность воспитания ребенка господина превращалась в феодальную повинность и тяжелую с точки зрения затраты времени и средств, а также и морально, поскольку своего родного ребенка надо было поставить в худшие условия. Бывали факты, когда от этой «чести» отказывались, но в большинстве случаев, несмотря на все тяготы, подчиненный старался получить *кана* для того, чтобы впоследствии обрести в нем покровителя.

Обряд возвращения ребенка в семью носил название *къанишежъ* (*къанишэж, т.е. возвращение воспитанника-къана в дом родителей. – Авт.*). Имеются записи и самого обряда.

Родственники по молоку – *дыгызэ* (*дэгызэ, досл. «нянька», вскормившая воспитанника. – Авт.*) (приравнивались к кровным и исключались из брака).

В связи с аталычеством, естественно, пришлось заняться вопросом родов и воспитания детей.

В отличие от некоторых кавказских народов, сохранивших более архаические формы и пережитки матриликальности, при которых роды проводятся в доме матери, у кабардинцев рожали в доме мужа в *лагуне* (*лэгъунэ, т.е. отдельное помещение, комната молодой пары в большом доме-унэшхуэ – Авт.*) (помещении для брачной пары). Помогала бабка. Когда ребенок родился, на порог клали кусок железа или железный предмет, через который перешагивали все проходящие и тогда ребенок вырастал здоровым. Это называлось *быдэ хьуну*

(*быдэ хьуну, досл. «стать крепким, здоровым». – Авт.*). Дней через пять проводился обычай «положения в люльку». У крестьян ребенка в люльку первый раз укладывала свекровь или жена брата мужа. У стариков собирали женщин, которые приходили с угощением и клали ребенка в люльку. На люльку клался подарок «*гуцэцхьэдэл*» (*гуцацхьэ дэл, досл. «положенное в изголовье люльки». – Авт.*) – на люльку положенное. Для женщин также устраивалось угощение. Родители *нысажа* (*по-видимому «нысацIэ», т.е. невестка. – Авт.*) приносили подарок в виде платка или отреза на платье. Этот подарок клали на люльку и так вносили люльку в *унэихэ*. Старшая из пришедших женщин берет этот подарок и передает его свекрови. Чтобы ребенок не болел в головах на люльку клали Коран (маленький), дуа. На шею иногда надевали бусы и раковинку, чтобы злые люди смотрели на это разноцветное, а не на ребенка и не сглазили его. Это называлось *нэтэмышуэ дыуэ* (*нэтэмышуэ дыуэ, т.е. оберег от сглаза. – Авт.*) – дуа, чтобы глаз не ударил.

<Л 20>

Определенные обычаи отмечали каждый этап в физическом развитии ребенка. При появлении первого зуба справлялось *тхьэлъэлу* (*тхьэлъэлу, досл. «моление Богу». – Авт.*) – вечер первого зуба. В это время пекли пирог с сыром или картошкой. Для того чтобы зубы росли скорее и, чтобы он скорее начал ходить, его ставили в коровий навоз.

Когда ребенок начинает ходить, пекут пирог из пшеничной муки и кушают с гостями. Этот пирог называется *льержеувэ мэжэджэ* (*льэтеувэ мэжаджэ, т.е. пирог, выпекаемый в честь того, что ребенок начал ходить – Авт.*) – первый раз ходит пирог.

Справляется обычай *хэдэ* (*хэдэ, досл. «выбор». – Авт.*) – вокруг ребенка кладут Коран, ножницы, гармонию, а если мальчик, то Коран, оружие, ногойку и др. предметы, чтобы угадать, кем будет ребенок, к чему он потянется, если к книге – мулла, к оружию – воин и т.п.

Уже в этом гадании подчеркивалось будущее разделение труда и общественных обязанностей между мужчиной и женщиной мужчина – воин, наездник, скотовод, пахарь. Женщина – швея, музыкантша, хозяйка. Еще более резко выявляется это в дальнейшем воспитании.

У мальчика оно складывается из воспитания в нем воинских доблестей, а также приучение к мужскому труду (у трудовой части населения), в первую очередь к скотоводству.

Мальчик лет 5-6 уже должен был садиться на лошадь, играл самодельным деревянным оружием, упражняясь во владении им. Настоящее оружие он получал в 14-16 лет. Сначала это было старое и плохое, потом он сам добывал себе или ему давали родные.

Всякое празднество и событие в селении сопровождалось воинскими развлечениями, состязаниями в ловкости. В основном это была джигитовка и стрельба в цель. Старики, прежде всего, являлись судьями, а также учителями. Скачки *шыгъажэ* (*шыгъажэ – Авт.*) устраивали и на свадьбе, и на похоронах холостого парня, при этом призами служили вещи умершего. Выбирались 3 различных по качеству вещи и вручали их победителям. Вручал призы хозяин.

В скачках участвовали и взрослые, и мальчики (чтобы лошади было легче). При скачках поднимали шапку с земли, скакали, стреляли на спину в лицо и т.п. при свадьбах между группами верховой молодежи, сопровождавшей и встречавшей невесту, происходила борьба за знамя «барак». Состязания по стрельбе в цель происходили и во время праздника возвращения пахарей. Целью служило особое сооружение, носившее название «къабакъ» (*къэбакъ – Авт.*) (укрепленное место) на высоком шесте прикреплялась деревянная крестовина – *джиюр* (*жор, досл. «крест». – Авт.*), в которую вбивались колышки с деревянными фигурами, изображавшими всадника, оленя, свинью, утку, голубей и т.д. на шею этим фигуркам повязывались призы – мелкие предметы. Шест нижним концом вбивался в колесо арбы, и укреплялся на боковых стенках, на которой стояло несколько человек и придерживали шест. Стрелявший должен был сбить фигурку и тогда ему доставался приз. В случаях, когда мальчик воспитывался у аталыка, на обязанности последнего лежало снабжение его конем, седлом, оружием и обучение всему, что следовало знать юноше. В программу обучения молодого дворянина входило участие в набегах, охоте и путешествии к соседним народам. Высоко ценилось у кабардинцев красноречие. Присутствие молодежи, даже мальчиков при беседах старших, рассказах о былых подвигах, воспевании героев певцами *гегуако* (*джэгуаклуэ, т.е. бард, певец-импровизатор, распорядитель игрищ. – Авт.*) знакомило подростка с устной историей своего народа, прививало ему определенные идеалы и убеждения.

В воспитании девочки обязательно входило исполнение домашних обязанностей и, прежде всего, шитье и вышивание.

<Л 21>

Заслуживает интереса материал по семейным отношениям, который собирався нами не с целью специального исследования форм и истории семьи, а в связи с изучением жилища, одежды и т.п. Однако, при обработке собранного материала оказалось, что некоторая его часть имеет самостоятельный и значительный интерес. Это материал по «большой семье» у кабардинцев. Большая семья – семейная община, известная и прекрасно описанная, и изученная у славянских народов, имела место и на Кавказе, где ее открыл и описал М.М. Ковалевский. Но материалы Ковалевского относились к Осетии. О большой семье у кабардинцев в литературе имеется несколько беглых указаний и ни одного описания. Между тем, она сохранилась вплоть до конца XIX в., а многие из обычаев, связанных с нею и по сие время.

Во время экспедиции мне удалось собрать материал, связанный с большой семьей, с организацией труда и распределения продуктов, правовым положением членов семьи и т.п.

Обработанный и систематизированный в виде небольшого сообщения (10 страниц на машинке) был мною направлен в «Краткие сообщения института Этнографии Академии наук». Его обсудили на заседании Кавказского сектора института этнографии и направили для печатания в «Советскую этнографию». В 1948 г. необходимо продолжить работу над этой темой.

Материал по семейным отношениям представляет значительный интерес и с точки зрения сопоставления кабардинской семьи до революции и в советское

время. Во время экспедиции мною проведен ряд наблюдений по современной семье, представляющей интерес, так как в нем имеется фиксация как остатков прошлого, так и того нового принципиально отличного, что создано советской действительностью. Этот материал может послужить началом специальной темы, но пока еще трудно строить на нем большие обобщения.

Вопросы социального строя Кабарды, в особенности феодальных отношений, имеют довольно обширную литературу, изданную до революции. Разработкой этих вопросов занят и в настоящее время ряд научных работников, в основном историков. Они используют архивные данные и литература.

Однако, как известно, кабардинцы не имели своей письменности, и вся документация является материалами русских чиновников, в редких случаях включает в себя показания самих кабардинцев данные в русском переводе.

Сложность кабардинской феодальной иерархии и трудность языка, приводило к путанице и неточностям в терминологии, что еще больше затрудняло общую картину. Кроме того, феодальные права и повинность, установленные обычаем в жизни соблюдались далеко не всегда. Таким образом, для выяснения социальных отношений Кабарды последних столетий, а также для обрисовки полной картины необходимо обратиться и к источникам этнографическим и фольклорным.

Наше поколение этнографов имеет еще возможность пользоваться живыми первоисточниками – стариками, которые сами жили в период крепостничества, либо живо помнят его по рассказам своих отцов.

<Л 22>

С каждым годом эти возможности, естественно сокращаются и поэтому на совести нашего поколения лежит сбор и фиксация всего того, что сохранилось в памяти этих стариков. Во время экспедиции мне удалось побеседовать со стариком около 90 лет К. Тлигуровым в с. Арик, который еще сам был *унаутом* и помнит освобождение крестьян. Тлигуровы получили свою фамилию после освобождения по имени отца. Как известно до освобождения *унауты* не имели фамилий, а только имена или клички. Фамилии давались при освобождении либо по имени и кличке отца (если он был известен), или матери, по профессии освобождаемого, иногда по его особым предметам и в некоторых случаях по фамилии хозяина. Это последнее приводило к тому, что существовали однофамильцы не родственные между собою и принадлежавшие в прошлом к антагонистическим сословным группам. Тлигуровы принадлежали *уоркам* (*уэркъ, т.е. представитель привилегированного воинского сословия, дворянин. – Авт.*) (?) Хотановым. Тлигуров рассказывает об обязанностях *унаутов*. Мужчины рубили дрова, растопляли очаг, ухаживали за конями, иногда работали на хошех (кошах? – Авт.). Женщины готовили, носили воду, подавали еду хозяйке, ухаживали за ней, сопровождали всюду, вплоть до уборной. Тлигуров рассказывает, что *унауты* жили просто на дворе, спали на шкуре в сарае или под навесом и в редких случаях для них имелся домик, крытый соломой.

Отмечая разницу между *унаутами* и *пиштями* (*пищыл, досл. «княжий человек», т.е. крепостной крестьянин – Авт.*) старик подчеркивает, что последние имели свое хозяйство и семью, в то время как *унаутка* не имела законного

мужа. Сто четырехлетний старик *пиитль* Исмел (с. Жемтала) подтверждает показания Глигурова отмечая также, что одной из обязательных работ унаутов являлся размол зерна на каменных ручных жерновах.

Столетняя старуха Дзахмишева Х. (*пиитль*) указывает, что *унаутки* также убирали помещения, стирали, рубили дрова и готовили в кухне. Вопреки некоторым другим данным, она говорит, что *унаутки* не шили и не вышивали «им было некогда». Она же описывает одежду *унауток* – рубаху, штаны, иногда платье (разрезное) и платок на голове.

Глигуров рассказывает о наказаниях провинившихся *унаутов* «положат его на доску и бьют плетями голого или подвешивали к крыше веревкой подмышки».

Весьма интересны материалы о том, как добывались пленные – рабы, полученные от Эльмырзы Меожева, Фицы Макоева и Исмела. Способом их получения была *зекуэ* (*зеклуэ*, т.е. военные походы и набеги с целью получения славы и добычи. – Авт.) – набеги. В набег ходили (не разб.) князья и *уорки* группой и распределяли добычу поровну, выделяя большую долю руководителю – *гунзеша* (*гунзешэ*, досл. «предводитель группы (отряда)». – Авт.), так как водитель отряда. Во время набегов захватывали скот (особенно табун лошадей), деньги и ценности, мануфактуру и людей. Пленного везли сзади себя в седле и называли *кесукъаха* (*кIэсу къахъа*, досл. «принесенный сидящим сзади», т.е. на крупе коня. – Авт.) – «сидящий сзади». Когда поругаются с бывшими пленными, то попрекают «тебя сзади привезли». Их продавали и делали *унаутами*. Пленных привозили и от кумыков, и от казаков, и от кабардинцев даже. Похищали детей не только в поле, на мельницах, но даже крали из дома. Некоторые делали это своим промыслом.

<Л 23>

Так Исмел рассказывал: «*Пиши* (*пицы*, т.е. представители высшего феодального сословия, князья. – Авт.) Кожоковы, когда ночью привезут пленных иногда даже до утра не держат, а сразу продают и получают деньги. Продавали их на месте или увозили в дальние края и там продавали. Вozил сам *пиши* Кожоков. Помню случай – посадили пленных в сарай, а те в плетеной стене дырку сделают и просят наших *унауток*, мы тоже женщины, дайте хоть гребенку волосы причесать. Но, если мы им что-нибудь давали, то *пиши* грозили и нас продать. Хотя наши крали у казаков и девушек и парней и даже солдат, некоторые казаки были в дружбе и даже воевали вместе (в набегах), но большинство нет. Кожоковы привозили из набегов и скот, резали его и ели, а фактуру (мануфактуру? – Авт.) и ценности украли от нас». Чрезвычайно важно знать феодальную лестницу Кабарды для того, чтобы сверить показания документов и стариков. С этой целью мною сделан ряд записей отдельных стариков.

<Л 24>

Наиболее определенными терминами являются – *пишы*, *уэркъ*, *азэт* (*азэт*, т.е. вольноотпущенник. – Авт.), *лъху* (не разб.) (по-видимому, *лъхукъуэль*, «*тхукотлы*» русских источников, т.е. лично свободные крестьяне, жившие на владельческой земле и несшие в его пользу феодальные повинности. – Авт.), *пишль*, *унэлут*.

Не имея возможности и необходимости в отчете подвергнуть полному анализу собранный материал, приведем те толкования, которые даются каждому из приводимых терминов самим народом

I *Пиыапшыж* (*пиыапшыж*, досл. «князь князей», титул пожизненно избравшегося верховного правителя в Кабарде и других черкесских государственно-политических образованиях. – Авт.) – князь князей. Это род Хамырзовых. Он распределял Кабарду между *пиы*, давая каждому *пиы* по 2-3 села. Они отвечали перед ним за эти села и докладывали ему обо всем. Его самого назначил потомок пророка (Кодзоков Т. 75 лет).

II *Пиы* – Хатажоковы, Мисостовы, Баташевы, Куденетовы, Тамбиевы, Ешеноковы, Докшукины (видимо ряд неточностей, если сличать с документами). Князь, владелец ряда селений, которые он распределял между сыновьями, владелец земли и крестьян.

(Кодзоков и др).

III (*не разб*) *уалIэи* (*по видимому, лIакъуэлIэи, «тлекотлеи» русских источников, потомственные знатные дворяне – Авт.*) – феодал, ниже князя. Владелец селений, земли и крестьян – Кожоковы. По словам Кодзокова «тлекотлеи – незаконные сыновья князей от *унауток* – *тума* (*тумэ, т.е. княжич, рожденный в результате мезальянса князя и женщины более низкого социального статуса – К.З.*). Но так как слово *тума* (безродный) – позорное, а князь хотел замаскировать их, то называл *тлекотлеи*»

IV *Уэркъ* – это воины князя. Они были все время с оружием, шли вместе с князем в поход или на войну. При походе к полю битвы они были сзади, чтобы народ не разбежался и подгоняли всех. Князь шел впереди. Во время сражения князь был сзади, чтобы видеть поле битвы, а *уорки* впереди. После сражения они приводили к князю войско. Если войско, вернувшись с боя не находили князя, значит струсил и его можно (неразб.). *У уорка* было такое же хозяйство, как у *лхукъуэцауэ* (*лхукъуэцауэ, лхукъуэцо, досл. «крестьянские [тлхукотльские] витязи», представители наиболее состоятельных слоев зависимых сословий. – Авт.*) но все обрабатывали крестьяне, так как он слезал с коня только для еды (Кодзоков)

V *Уэркъцэуэьнхъусэ* (*уэркъцауэлIыгъусэ, т.е. представители наиболее многочисленной категории незнатных служилых дворян. – Авт.*) – сопровождающий князя, свита термин известный в литературе. В народе его знают мало, считают второстепенным. «Есть *уорки*, а сзади них могут быть всякие. По рассказам это был человек постоянно входящий в свиту князя».

VI *Лхукъэцауэ* – крестьянин типа *лхукъуэл*, но менее зависимый от *пиы*. Он имел свое оружие, сам себя охранял от побегов (*по-видимому «от набегов» – Авт.*). Если князь сам шел в набег или воевал с кем, то *тлхожохо* (*по-видимому, лхукъуэцауэ, лхукъуэцо. – Авт.*) помогал как мусульманин мусульманину, но не имел права насильно брать его в побег (*по-видимому «набег». – Авт.*). Хозяйство его было крестьянское, 5-8 коров, пара быков. Звание зависело не от хоз. способностей, а от военных (Кадзоков). По некоторым указаниям это были *азэты*.

Азэт – вольноотпущенный.

VII *Льхукъуэл* – Крестьяне, которые могли сами себя защищать и были свободны (Кодзоков). Они имели свое хозяйство, скот, арбу и плуг. Были из них и знаменитые. Они ходили в набег и от этого богатели и выкупали свою голову от *пши*.

<Л 25>

Они имели *унаутов*. В поле они работали на себя, а иногда на князя. Без разрешения князя переселиться не могли. Давали князю подводды, варили бузу, принимали его гостей. Основное население – *тхлукотл*; *унаутов* было мало *пшиitleй* больше (Тлигуров)

VIII *Ог* (*Гузгу*, т.е. категория зависимых, но лично свободных крестьян - Авт.) эта категория, как известно из литературы, очень малочисленная, вызывает различные толкования.

Сводятся к следующим вариантам – «*Ог*» из *уорков*, доверенное лицо, сопровождавшее князя, он ухаживал за конем, мог есть вместе с князем (Гешев). «*Ог*» – из *тхлукотл*, но более свободный. Когда у *пши* родится дочь или сын, кто-либо из *тхлукотлов* брал на воспитание лет до 8-9 и получал потом звание *ога* и считался как родным (Апекова).

«*Ог*» – крестьянин, который работал у себя в поле и только привозил Кожоковым (*тлекотлеи*) просо и пшеницу.

И наконец «*Ог*» – слово абазехское [*абазехское*] и значит наемный работник. По-кабардински, наемный работник *лыжэ* (*лЫщІэ*, досл. «мужчина-работник». – Авт.).

IX *Пшыл* – крепостной.

Жили они поселком вокруг дома князя, а вход один и охранялся часовыми из *уорков*. Хозяйство было общее с князем, своего не было. *Пшиitle* мог иметь законную семью, но можно было их продать порознь (Кожоков). *Пшиitle* жил во дворе хозяина или рядом, чтобы можно было сразу позвать. Убирал хлеб хозяину и тот выделял им долю (Тлигуров).

«Между *пшиitleями* тоже было разные. Некоторые из них были любимцами *пши*, а других угнетали, если они не подчинялись, наказывали и продавали».

«Мы работали днем и ночью. Пасли скот, пахали, ездили за дровами, работали всю домашнюю работу. У нас было свое маленькое хозяйство и свой домик. Мы жили по соседству с хозяином и, если были нужны звали нас (бывший *пшиitle* Исмел)». Подобный материал о жизни *пшиitleй* дают и другие информаторы.

X *УнэIут* – раб.

Яснее всего вырисовывается фигура бесправного раба – *унаута*, достаточно полно обрисованного и в литературе.

В литературе упоминается термин *лагъунэIут* (*лэгъунэIут*, досл. «стоящий у помещения для невестки [*лэгъунэ*]» - Авт.) – который трактуется как крепостной. Однако, старики (Теунов, Тлигуров, Куашев, Исмел и др.) утверждают, что *лагъунэут* это тоже что *унаут* с тем различием, что первая ухаживала специально за *нысажей*, находившейся в *лагъунэ* исполняя при ней обязанности горничной, но пользуясь правами одинаковыми со всеми *унэутами*.

Интересное показание, требующее, однако, проверки дала 100 летняя Н. Апекова: «Когда дочери *пиши* выходили замуж, их сопровождали – девушка и парень из их воспитателей – *огов*. Они находились при молодой до года. Родные жениха дарили им 10 лошадей, 3 коров».

Упоминаемые в перечне *лгьова* (*лгыгъавэ*, досл. «мясовар». – Авт.), *хэбзаниэ* (*хэбзэниэ*, досл. «бесправный», «безобрядный». – Авт.), *пшафIэ* (*пшафIэ*, досл. «готовящий пищу, повар». – Авт.), *жемхагаса* (*жэмхэгъасэ*, т.е. член семьи или прислужник(ца) невесты, находившийся с ней пока она не освоится в семье мужа. – К.З.), не являются обозначениями особых социальных категорий.

Лгьова – это *пиштьль*, который ведет хозяйство, готовит пищу и распределяет его.

ПшафIэ – женщина, которая варит *пасту* (*пIастэ*, т.е. круто сваренная пшеничная каша, использовавшаяся у черкесов вместо хлеба. – Авт.).

Жемхагаса – девушка, сопровождавшая княжну, которая выходила замуж и находилась при ней 2-4 месяца.

Хэбзаниэ – крестьянин, тот, кто не подчиняется *хэбзэ*-обычаю, не почитает старших, не имеет стыда в глазах.

Из рассказов стариков вырисовывается и общая картина быта и труда крепостных и рабов.

Как видно из предыдущего изложения, работа затрагивала самые разнообразные темы и в различной степени неизбежно, поскольку, беседуя с информатором, естественно, постараться использовать его как можно полнее. Большая часть тем требует, конечно, значительной доработки, чему и будут посвящены экспедиции последующих годов [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973].

Заключение

Как мы видим, в 1947 г. среди кабардинских информаторов были еще живы люди, чьи детство и юность прошли до крестьянской реформы и освобождения зависимых сословий в Кабарде (60-е гг. XIX в.). То есть они были органической частью отжившей традиции и имели о ней предметное знание. Собранные Е.Н. Студенецкой этнографические данные по традиционной адыгской сословной титулатуре имеют ряд особенностей. Во-первых, практически все информаторы – представители бывших зависимых сословий (*унаут*, *пиштьль*). В условиях советской действительности 40-х гг. XX в. это естественно. Аристократические сословия в ходе советской модернизации подверглись массовым репрессиям, маргинализации и были вытеснены с ведущих позиций общественной жизни. Аристократический дискурс в стране победившего социализма не имел легитимности, и не мог фиксироваться даже в академических интересах. Именно поэтому общий тон нарратива откровенно антикняжеский, антидворянский, с отрицательными коннотациями в адрес бывших привилегированных сословий Кабарды, их образа жизни и т.д. Помимо оценочных суждений, содержащихся в тексте отчета, это привело к заметному искажению общей картины сословной структуры кабардинского общества. Так информаторы адекватно представляют все мельчайшие нюансы в правовом положении раз-

личных категорий непривилегированного населения Кабарды – от лично свободных крестьян, несущих необременительные натуральные повинности в пользу феодального владельца, до наиболее бесправных групп домашних рабов. В отчете Е.Н. Студенецкой нашли отражение практически все социальные термины, известные для обозначения различных категорий многочисленного кабардинского крестьянства по наиболее полным, адекватным историческим источникам и научным исследованиям [Ногмов 1994: 125-126, 152-169; Леонтович 1882: 223-241; Думанов 1990: 131-184; Кажаров 1994: 194-199 и др.].

Гораздо хуже информаторы Е.Н. Студенецкой знают иерархическую структуру привилегированного военно-служилого класса *пши-уорков* (*пшы-уэркъ*), что вполне объяснимо. Не будучи членами этой корпорации, информаторы, как внешние по отношению к объекту наблюдатели, не знали, либо уже не придавали значения многим нюансам внутренних отношений между различными категориями потомственной черкесской аристократии и служилыми группами незнатного дворянства Кабарды. Так, информаторы не упоминают целые группы среди привилегированных сословий Кабарды – потомственных дворян *дижинуго* (*дыжбыныгъуэ*), княжеских дворян *беслен-уорк* (*беслэн-уэркъ*), категории *пшикеу* (*пшыкIэу*, *пшычо*), *бейгол* (*бейгуэл*) [Сборник документов... 2003а: 76-95, 200; Думанов 1990: 131-184; Кажаров 1994: 178-199]. То есть этнографические данные, собранные Е.Н. Студенецкой, не лишены недостатков, неточностей и анахронизмов и требуют критического анализа с привлечением других, в первую очередь архивных письменных источников.

Достаточно свободно, судя по тексту отчета, информаторы Е.Н. Студенецкой понимают социальный термин *пши* (*пшы*) – князь. В их трактовке это не столько представитель высшего феодального сословия Кабарды – князь, сколько синоним феодального владельца вообще. Собственно основанием для подобного сближения может служить то, что социальный термин *пши* полисемантический. Вне зависимости от своего конкретного сословного статуса, любой черкесский аристократ, владевший аулом, носившим, как правило, его личное или фамильное имя, считался по статусу дословно «князем села» (*къуэжэти*) [Кажаров 1994: 60-67]. Именно поэтому информаторы Е.Н. Студенецкой к категории *пши* произвольно относят не только собственно князей-Иналидов Кабарды – Атажукиных, Мисостовых, Хамурзиных (в тексте отчета Хамурзовы) и т.д., но и *тлекотлешей* (*лэкъуэлIэи*) Куденетовых, Тамбиевых и даже *дижинуго* (*дыжбыныгъуэ*) Кожоковых и Боташевых. Весьма произвольно трактуют информаторы происхождение сословия *тлекотлеш*, совершенно необоснованно сближая его с категорией неполноправных князей-бастардов – *тума* (*тумэ*). Хамурзины (отрасль линиджа князей Джамбулатовых) выделены информаторами как *пшыапшыж* (*пшыапшыж*) – князья князей, то есть верховные правители Кабарды, что не соответствует действительности, но объясняется тем, что этнографическая экспедиция Е.Н. Студенецкой проходила по преимуществу по Малой Кабарде и бывшим землям Джамбулатовского удела Большой Кабарды (*Жамботей*). Но эта неточность искупается самим упоминанием архаичного социального термина *пшыапшыж*. Он едва сохранился в устной традиции и фольклорных записях XIX-XX вв. Ш.Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского

народа» упоминает его русский перевод («князь из князей») в связи с высоким статусом кемиргоевских князей Болотоковых – старшего линиджа среди всех черкесских Иналидов [Ногмов 1994: 97]. В письменных источниках XVIII-XIX вв. социальный термин *пцыапцыж*, как титул верховного правителя крупных черкесских государственно-политических образований – княжеств, практически не находит отражения. Он вытесняется другими терминами черкесского и восточного происхождения – *пшишхуа* (*пцышхуэ*, досл. «великий князь»), *пшитхамата* (*пцы-тхьэмадэ*, досл. «князь-старейшина»), *уэлий* или *уалипши* (*уэли-пши*, т.е. «князь-вали» - контаминация черкесского *пши* и восточного *вали*) [Кажаров 1994: 220-221]. Термин *пцыапцыж* нашел отражение в черкесской аристократической ономастике. Один из самых известных князей Кабарды XVI в., чьи потомки являются родоначальниками всех Иналидов Большой Кабарды XVIII-XIX вв. носил имя *Пцыапцокъуэ* (Пшеапшоко) (досл. «сын князя князей») [КРО 1957а: 383, 385-387; Налоева 2015: 5, 7-9]. Его отец Кайтуко Бесланов в середине XVI в. действительно был верховным правителем *пцыапцыж* или *пцышхуэ* Кабарды (в русских источниках «князь кабардинский») [КРО 1957а: 385; Налоева 2015: 5].

Заслуживают особенного внимания содержащиеся в тексте отчета Е.Н. Студенецкой версии происхождения и социального статуса категорий феодально-зависимых крестьян *огов* (*Гуэгу*), *тхлукотлов* (*лхукъуэл*), *лхукъэцауэ* (*лхукъуэцауэ*, *лхукъуэцо*). В отечественном кавказоведении оценка их социального статуса и происхождения является одной из наиболее запутанных и спорных [Думанов 1990: 147-184]. Они относились к зависимым сословиям, но по имущественному положению сближались с незнатным служилым дворянством, имели свое хозяйство, а также могли сами обладать крепостными и рабами, о чем информаторы недвусмысленно сообщают Е.Н. Студенецкой. Это подтверждается и письменными источниками. Крупнейшее в XVIII в. антифеодальное выступление в Кабарде (1767 г.), было организовано именно верхушкой этих сословий. Причем одним из основных требований к кабардинской знати со стороны восставших было требование не вмешиваться в их отношения с собственными холопами [КРО 1957b: 269-273].

Таким образом, информация, собранная в селах Кабарды в середине XX в. в результате этнографической экспедиции Е.Н. Студенецкой, отражает не только уровень репрезентации отходившей в прошлое феодальной традиции, но и некоторые эксклюзивные термины, версии и трактовки происхождения тех или иных сословных страт, которые способны послужить дополнительным источником в исследовании доколониального прошлого Кабарды и ее традиционного общественного уклада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973. – *Архив Российского этнографического музея*. Ф. 2. Оп. 1. Д. 973. Отчет о командировке научного сотрудника Е.Н. Студенецкой в Кабардинскую АССР по собиранию этнографического материала в 1947 г.

Адыгская (черкесская)... 2006 – *Адыгская (черкесская) энциклопедия*. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1428 с.

- Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. – М. Наука, 1967. – 332 с.
- Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 264 с.
- Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Эль-фа, 1994. – 440 с.
- История Кабардино-Балкарской... 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах.* – М.: Наука, 1967. – Т. 1. – 480 с.
- КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах.* – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – Т. 1. – 478 с.
- КРО 1957б – *Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах.* – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – Т. 2. – 424 с.
- Кудашев 1991 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 190 с.
- Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. – Одесса: Типография П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. – Вып. 1 – 850 с.
- Материалы... 1986 – *Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX в. / Составление, введение и примечания Х.М. Думанова.* – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 320 с.
- Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / Сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 371 с. (Приложение)
- Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.
- Сборник документов... 2003а – *Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа (1793-1897 гг.).* – Нальчик: Эль-фа, 2003. – Т. 1. – 348 с.
- Сборник документов... 2003б – *Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа (1793-1897 гг.).* – Нальчик: Эль-фа, 2003. – Т. 2. – 488 с.
- Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 336 с.

REFERENCES

- Arkhir Rossiiskogo etnograficheskogo museya* [Archives of Russian Ethnographical Museum]. F 2. Op. 1. D. 973. Otchet o komandirovke nauchnogo sotrudnika E.N. Studeneckoj v Kabardinskuju ASSR po sobiraniyu jetnograficheskogo materiala v 1947 g. (in Russ.).
- Adygskaya, (cherkesskaya) entsiklopediya* [Adyghe (cirvassian) encyclopedia]. – Moscow: B.Kh. Akbashev foundation, 2006. – 1428 p. (In Russ.).
- DUMANOV Kh.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata (pervaya polovina XIX v.)* [The social structure of the Kabardians in the norms of adat (first half of the 19th century)]. – Nalchik: El'brus, 1990. – 264 p. (In Russ.).
- Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei v 2-kh tomakh* [The history of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present. In 2 volumes]. – Moscow: Nauka, 1967. – Т. 1. – 480 p. (In Russ.).
- GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygskikh narodov* [The social system of the Adyghe peoples]. – M. Nauka, 1967. – 332 p. (In Russ.).
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv.: Dokumenty i materia-ly v 2-kh tomakh.* [Kabardian-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. – Т. 1. – 478 p. (In Russ.).
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv.: Dokumenty i materia-ly v 2-kh tomakh* [Kabardian-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. – Т. 2. – 424 p. (In Russ.).
- KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Traditional social institutions of the Kabardians and their

crisis at the end of the 18th – first half of the 19th century]. – Nalchik: El'-fa. 1994. – 440 p. (In Russ.).

KHAN-GIREY. *Zapiski o Cherkessii* [Notes about Circassia]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 336 p. (In Russ.).

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 190 p. (In Russ.).

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev* [Adats of the Caucasian highlanders]. – Odesa: Tipografiya P.A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. – Issue 1 – 850 p. (In Russ.).

Materialy Ya.M. Shardanova po obychnomu pravu kabardintsev pervoi poloviny XIX v. [Materials of Ya.M. Shardanov on the customary law of the Kabardians of the first half of the 19th century] / Sostavlenie, vvedenie i primechaniya Kh.M. Dumanova. – Nalchik: El'brus, 1986. – 320 p. (In Russ.).

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps)]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskego feodpl'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii* [NALOEVA E.D. Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socioeconomic history]. / Sost. A.S. Mirzoev. – Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. – 371 p. (In Russ.).

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the Adychian people]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 232 p. (In Russ.).

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza (1793-1897 gg.) [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus (1793-1897). Vol. 1]. – Nalchik: El'-fa, 2003. – 348 p. (In Russ.).

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza (1793-1897 gg.) [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus (1793-1897). Vol. 2]. – Nalchik: El'-fa, 2003. – 488 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Р.Ш. Зельницкая – кандидат исторических наук.

З.А. Кожев – кандидат исторических наук.

Information about the authors

R.Sh. Zelnitskaya – Candidate of Science (History).

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 15.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.